

Коляска неторопливо катилась по дороге. Опустив плотную оконную занавеску, Чан Вэньчжэн повернулся к Вэнь Сюаню:

— До годовщины смерти твоего деда ещё полно времени. К чему эта поспешность? Зачем покидать столицу в такой суматохе?

Вэнь Сюань медленно перебирал пальцами висящую на поясе нефритовую подвеску.

— В Городе Тяньюань, похоже, грядут великие перемены, — тихо проговорил он.

Чан Вэньчжэн надолго умолк, а затем тяжело вздохнул:

— Значит, у Его Величества всё-таки лопнуло терпение?

На губах Вэнь Сюаня промелькнула горькая усмешка.

— Разве оно не лопнуло ещё тогда, когда у вас, дядя, отобрали командование войсками?

— Значит, клан Вэнь поставил всё на Наследного принца? — Чан Вэньчжэн помрачнел, задавая этот вопрос.

— Он — наша единственная опора, — ровно отозвался Вэнь Сюань.

— И ты не боишься, что Его Величество решит истребить клан Вэнь? — Чан Вэньчжэн пристально, не мигая, уставился на племянника.

— Наш клан всегда держался скромно и не нарушал приличий, — невозмутимо парировал Вэнь Сюань.

Чан Вэньчжэн нахмурился:

— Твоя покорность тут ни при чём. Разве ты позабыл старую истину: «Простец виновен уж тем, что хранит у себя драгоценный нефрит»?

— Вы намекаете на Наблюдателей Теней, которых оставил дедушка? — Вэнь Сюань стиснул пальцы, заставив костяшки сухо хрустнуть. — «Не призывать Наблюдателей Теней, покуда мир не погрузится в хаос», — такова была воля деда. Да и этот отряд — достояние семьи Вэнь, а вовсе не престола.

— Будь ты на месте императора, разве согласился бы держать под боком дремлющего тигра? — глухо спросил Чан Вэньчжэн.

Вэнь Сюань погрузился в молчание.

Наблюдатели Теней... Эту грозную силу некогда создал его дед, Вэнь Тинъюэ, когда сопровождал покойного императора в бесчисленных походах. Отряд насчитывал всего сорок человек, но каждый из них владел искусством скрытного убийства, шпионажа, маскировки и ближнего боя в совершенстве. Рассказывали, как однажды Вэнь Тинъюэ во главе своих сорока теней вихрем врубился в строй из тысячи врагов и вырвал государя из тисков смерти. На пути этого воинства не мог устоять никто.

Когда Поднебесная наконец успокоилась, Вэнь Тинъюэ объявил о роспуске отряда. На деле же он продолжил тайно обучать новые поколения воинов на случай, если государству вновь грозит смертельная опасность. Никто не думал, что эти воины ушедшей эпохи разжгут аппетиты нынешнего государя. Правом созывать Наблюдателей Теней владел лишь глава клана Вэнь; Вэнь Союй передал сыну титул и тайную власть, когда Вэнь Сюаню едва исполнилось шестнадцать лет.

Вэнь Сюань насупился, а Чан Вэньчжэн, понизив голос, продолжил:

— Душа у меня не на месте. Если с князем Юйсянем что-то случится, кто знает, не окажемся ли мы следующими на плахе...

— У меня всё под контролем, — твердо оборвал его Вэнь Сюань.

— Тебе всегда хватало решимости, но видит небо, я не знаю, к добру ли это приведёт на сей раз, — вздохнул Чан Вэньчжэн.

Он уныло покосился в сторону окна, за которым Вэнь Бай о чём-то безудержно болтал с сопровождавшими их гвардейцами.

— И зачем ты тащишь его за собой? Почему бы не отправить его назад в столицу с основным отрядом?

Вэнь Сюань скользнул взглядом по весело сияющему лицу младшего брата.

— Боюсь, натворит глупостей без присмотра, — бесстрастно уронил старший.

После осенней охоты над Городом Тяньюань сгустились невидимые тучи. Император Хундао внезапно издал указ, позволяющий герцогу Аньдин, Тоба Цзяюю, возглавить остатки войск разбитого государства Ци и отправиться в его прежнюю столицу — Город Бэйюн. Это решение вызвало при дворе настоящую бурю.

Одни придворные всерьёз опасались, что Тоба Цзяюй обоснуется в Городе Бэйюн и однажды поднимет восстание, другие же высокомерно заявляли, что этот юнец не стоит и ломаного гроша, а потому и беспокоиться не о чем.

Сам государь полагал, что, выдворив Тоба Цзяюя подальше, он избавится от лишней кости в горле и убережет трон от посягательств очередной враждебной клики. К тому же Благородная

наложница Шу день и ночь изводила императора слезами и нежными мольбами, так что тот наконец сдался. Было решено: Тоба Цзяюй покинет Город Тяньюань ровно через полмесяца.

В глухую полночь, когда поместье погрузилось в сон, Цзян Цзибай сидел у стола, рассеянно набрасывая трактат о государственном управлении. Внезапно с кончика кисти сорвалась капля туши, черной кляксой расплываясь по белоснежной бумаге. Раздосадованный, он скомкал испорченный лист и швырнул его в сторону, но промахнулся: бумажный ком угодил прямо в наполненную чернильницу. Густая жижа брызнула на столешницу, оставив несколько грязных пятен на шелковом рукаве. Поняв, что вечер окончательно испорчен, Цзян Цзибай отложил кисть.

Душа к письму не лежала.

Вэнь Бай уехал в монастырь Безмятежного Покоя, даже не попрощавшись. До сих пор дуется, что ли?

Мелочный какой. Раньше, стоило им повздорить, они просто сходились в кулачном бою, и все обиды мигом улетучивались. Почему теперь всё так сложно?

Да и в родных стенах дышать с каждым днём становилось тяжелее. Стоило отцу вернуться со службы, как он тут же запирался в кабинете с домашними советниками. От этих мыслей Цзян Цзибая охватила глухая тревога. Что за тайные планы вынашивают отец и сестра?

Он резко поднялся из-за стола. Хватит гадать, пора потребовать честных ответов!

Едва свернув за угол, он увидел, что из кабинета Цзян Юня выходят советники — все как один хмурые и притихшие. Спрятавшись за опорным столбом галереи, юноша затаил дыхание.

Удаляясь, советники обменивались тревожным шепотом:

— Что же нам теперь делать?

— Нашего князя заперли в собственных стенах... Каковы истинные намерения государя?

— Всё это козни Сюй Вэньюаня! Старый лис окончательно очернил нас перед престолом.

Услышанное заставило Цзян Цзибая похолодеть. Он нахмурился и решительно направился к дверям отцовского кабинета, но едва занес руку для стука, как изнутри донесся надрывной, удушливый кашель. Юноша медленно опустил ладонь.

«Уже слишком поздно, — подумал он. — Отец болен и истощен. Расспрошу его завтра».

Резиденция канцлера Сюя

С тех пор как к Цзи Чэнжэну вернулась память, он ни на миг не терял бдительности, тщательно изучая расстановку сил в государстве Ин. Стоило канцлеру Сюю уединиться с единомышленниками для обсуждения дел, юноша неизменно находил идеальное укрытие поблизости, чтобы не упустить ни единого слова.

Сюй Вэньюань неторопливо сделал глоток ароматного чая и с мстительным удовольствием произнес:

— В этот раз я окончательно сброшу Цзян Юня в грязь!

— Ваша дальновидность поражает, господин канцлер, — с явным восхищением поддакнул один из чиновников.

Сюй Вэньюань самодовольно ухмыльнулся, поглаживая бороду:

— Стоит тайному донесению из земель Цзяннань оказаться в руках Его Величества, и с Цзян Юнем будет покончено раз и навсегда.

— Наш доблестный князь Юйсянь даже представить себе не может, что люди из земель Цзяннань, которых он так бережно защищал, сами же затянут петлю на его шее, — со смешком подхватил другой голос.

Сюй Вэньюань презрительно сощурился:

— Если бы Цзян Юнь раз за разом не смел перечить мне во всём, я бы повременил с его кончиной. Сам напросился.

В комнате наперебой зазвучали подхалимские голоса:

— Истинно так, господин канцлер!

Слушавший всё это Цзи Чэнжэн мрачнел с каждым мгновением. Крах любого великого царства всегда начинается с червей вроде этих льстивых царедворцев.

Ему не давали покоя противоречивые мысли. С одной стороны, Цзян Цзибай спас его от неминуемой гибели, и платить злом за добро не позволяла совесть. С другой стороны, падение государства Ин сулило выгоду его собственной родине: чем глубже Ин погрузится в пучину междоусобиц, тем легче будет осуществить его собственные замыслы.

Внезапно чье-то прикосновение к плечу заставило его вздрогнуть. Зажав себе рот ладонью, Цзи Чэнжэн резко развернулся, готовый к удару, но увидел лишь смеющиеся глаза Сюй Сянь. Девушка шутливо скорчила гримасу и прошептала:

— А-Сань, не бойся, это всего лишь я.

Цзи Чэнжэн шумно выдохнул и осторожно увлек девушку за собой в тень деревьев. Сюй Сянь бросила тревожный взгляд на ярко освещенные покои отца и тихо спросила:

— Ты ведь подслушал их разговор, верно?

Цзи Чэнжэн не стал лгать и молча кивнул.

— И что теперь? Предупредишь наследника Цзян Яня? — спросила Сюй Сянь.

— Наследник вернул меня с того света. Если выдастся минута, я обязан открыть ему истину, — со всей искренностью ответил Цзи Чэнжэн.

Сюй Сянь уныло кивнула:

— Да, ты прав... Эх, ну и мерзавец же мой папаша, прости небо.

— Разве благой дочери приличествует так отзываться о собственном отце? — с легкой улыбкой упрекнул её Цзи Чэнжэн.

— Я всего лишь говорю то, что вижу, — равнодушно отмахнулась Сюй Сянь.

На губах Цзи Чэнжэна заиграла мягкая улыбка:

— Ты всегда была на редкость прямодушной, Чэньюэ.

Сюй Сянь весело хмыкнула:

— Можешь называть это легкомыслием! Тебе бы тоже не помешало поменьше терзать себя думами. В конце концов, пока мы живы — все прочие заботы лишь дорожная пыль.

Лицо Цзи Чэнжэна вновь омрачилось тенью:

— Мне не суждено знать такой покой.

Сюй Сянь с искренним любопытством заглянула ему в лицо:

— Отчего же?

Цзи Чэнжэн на миг смешался. Не мог же он признаться, что его мысли заняты судьбой государства Юй и бременем великого долга, который не оставляет места для безмятежности.

— Куда мне... Я ведь обычный слуга, — уклонился он от прямого ответа.

— Глупости, — Сюй Сянь легонько сжала его плечо, заставив поднять глаза. — Ты спас мою жизнь. И видит небо, я никогда не считала тебя прислужником. Мы — друзья.

— Друзья?.. — тихо переспросил Цзи Чэнжэн, словно пробуя это забытое слово на вкус.

— Самые настоящие друзья, — тепло и открыто улыбнулась Сюй Сянь.

Напряжение окончательно покинуло лицо юноши, уступив место мягкой улыбке:

— Пусть будет так. Друзья.

Сюй Сянь весело сощурилась, и в её глазах заплясали лукавые огоньки:

— Ну а раз мы друзья, твоей названной подруге страсть как захотелось отведать персиковых лепешек из Трактира Послевкусия. Услужишь ей?

Цзи Чэнжэн лишь шутливо покачал головой:

— Будет сделано.

Купив сладости, Цзи Чэнжэн уже возвращался в усадьбу, когда прямо перед его носом пролетел набитый чем-то расшитый кисет и шмякнулся о брусчатку. Юноша нахмурился. Бросив взгляд вверх, он сперва наткнулся на роскошную вывеску борделя «Весенняя река в цветущую лунную ночь», а следом до его ушей донёлся залиvistый, дерзкий хохот.

Знакомые нотки заставили Цзи Чэнжэна присмотреться внимательнее. В проеме окна на верхнем этаже вальяжно развалился Тоба Цзяюй. Цзи Чэнжэн порывался было окликнуть его по имени, но вовремя осёкся: Тоба Цзяюй глядел на него свысока, с деланным пренебрежением, словно на чужака.

— Эй, парень на побегушках! — заносчиво крикнул сверху юный герцог. — Подними мой кисет да принеси наверх. Если не поленишься — весь жемчуг из него заберёшь себе в награду!

Цзи Чэнжэн опешил. Что это за безумная выходка? Он уставился на подростка, но уловил в глубине его глаз напряженный блеск — немую, отчаянную просьбу подыграть.

Приняв правила игры, Цзи Чэнжэн наклонился, подобрал оброненный жемчуг и шагнул за порог «Весенней реки в цветущую лунную ночь». Стоило ему ступить на устланную коврами лестницу, как обостренные чувства уловили присутствие скрытых в тени мастеров. Тоба Цзяюй находился под плотным присмотром тайных ищек.

Поднявшись на второй этаж, он заметил бредущую навстречу в обнимку в стельку пьяную парочку. Незаметно ослабив завязки кисета, Цзи Чэнжэн с самым невозмутимым видом двинулся вперед и как бы невзначай врезался в хмельных гостей, тут же запричитав:

— Ох, прошу простить, господи! Виноват, оступился!

С сухим шорохом сотни круглых жемчужин брызнули из мешочка на полированный пол, раскатываясь по залам и устремляясь вниз по лестнице. В то же мгновение по всему залу раздались вскрики и ругань. Пьяные бедолаги потеряли опору под ногами и с грохотом полетели вниз, сшибая остальных. Следом за ними на скользких бусинах заскользили и растянулись на полу гвардейцы из свиты герцога. По залу покатились волна неразберихи. Тоба Цзяюй остался сидеть на месте, бросив на Цзи Чэнжэна понимающий, заговорщический взгляд.

Вокруг поднялся невообразимый переполох: люди падали друг на друга, оглашая бордель бранью. Скрывавшиеся доселе ищейки покинули свои укрытия и ринулись в толчею, безуспешно пытаясь разглядеть герцога. Но Цзи Чэнжэн к тому моменту уже затащил Тоба Цзяюя в тихий, скрытый от чужих глаз угол за ширмой.

— Братец Чэнжэн, ты читаешь мои мысли! — весело прошептал Тоба Цзяюй.

На лице Цзи Чэнжэна отразилась мягкая забота. Он ласково взъерошил вихры на голове Тоба Цзяюя и тихо спросил:

— Как ты умудрился оказаться под колпаком у ищеек?

Взгляд подростка мгновенно стал не по-детски суровым:

— Наш милостивый государь желает убедиться, что я не замышляю бунт на коленях.

Цзи Чэнжэн нахмурился:

— Что ты имеешь в виду?

— Братец Чэнжэн, у нас нет времени на долгие разговоры, — Тоба Цзяюй воровато огляделся по сторонам. — Через три дня я навсегда уезжаю из Города Тяньюань. Уезжай со мной, умоляю.

О том, что Тоба Цзяюй выслан в Город Бэйюн, Цзи Чэнжэн уже знал. Получается, император Хундао окружил его соглядатаями лишь ради того, чтобы выведать: взаправду ли юноша рос беспечным бездельником или же искусно притворялся все эти годы. Направлять всю мощь тайной канцелярии против подростка... Цзи Чэнжэн непроизвольно скривил губы в отвращении.

— Моей сестре стоило огромных трудов вымолить у императора это разрешение. Город Бэйюн граничит со степями нашего государства Юй. Оттуда мне будет совсем несложно переправить тебя домой, брат, — торопливо шептал Тоба Цзяюй.

В мыслях Цзи Чэнжэна невольно вспыхнул ясный, искренний смех Сюй Сянь. Он запнулся и с

явным трудом произнёс:

— Я... я не могу сейчас бежать. Мой путь ещё не окончен.

Тоба Цзяюй прищурился, пытаясь угадать причину:

— Из-за девицы Сюй?

— Не только из-за неё, — покачал головой Цзи Чэнжэн, и его взгляд обрел былую жесткость. — Я обязан до конца прояснить расклад сил в Городе Тяньюань. Без этих сведений мое возвращение в Государство Юй лишится смысла.

Тоба Цзяюй медленно, с тяжелым вздохом кивнул:

— Пусть будет так. Жалею лишь об одном: расставаясь сегодня, мы не знаем, свидимся ли вновь на этом веку.

Цзи Чэнжэн ласково улыбнулся и крепко прижал подростка к груди:

— Будем верить в лучшее. Надеюсь, при нашей следующей встрече передо мной предстанет великий муж, способный в одиночку вести за собой армии.

Тоба Цзяюй в ответ с силой похлопал его по спине, и в его голосе зазвенела сталь:

— Обязательно! Я стану тем, с кем им придется считаться. И я вызволю сестру из этого змеиного логова.

Цзи Чэнжэн отстранился, крепко сжав его плечи на прощание:

— Суматоха утихает, мне пора раствориться в толпе.

— Береги себя, брат, — тихо напутствовал Тоба Цзяюй.

Провожая взглядом скрывающегося в сумерках подростка, Цзи Чэнжэн думал о недетской решимости и ледяной выдержке, затаившихся в его душе. В грядущих битвах этот юноша мог стать его величайшей опорой. Или — самым опасным противником.

<http://bllate.org/book/19392/1999285>